УДК 330.342.3/4

Е. Б. Дондокова*Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация***В. Д. Балданов***Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ВЛИЯНИЕ НА РЫНОК УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Современные исследования постиндустриального перехода в экономическом развитии стран отличаются от изначальных теорий постиндустриализма отсутствием целостности в подходах. В статье проведен содержательный анализ работ современных авторов, отражающих необходимость учета ценностных трансформаций, а не только изменения экономического характера. Систематизирована критика постиндустриальных теорий. Оцениваются влияние постиндустриальной трансформации общества на сферу высшего образования, а также последствия массовизации российской системы высшего образования. Обоснована необходимость в непрерывном образовании в нынешних обстоятельствах, формировании не «человеческого капитала», а разносторонне развитой личности. Приводятся аргументы в пользу рассмотрения в качестве цели функционирования рынка услуг высшего образования в условиях постиндустриальной трансформации. В этом по большей мере заключается главное противоречие происходящих изменений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Постиндустриальное общество; постиндустриальная трансформация экономики; рынок высшего образования; образовательные услуги; постиндустриальные ценности.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 5 мая 2015 г.; дата принятия к печати 30 октября 2015 г.; дата онлайн-размещения 30 ноября 2015 г.

Е. Б. Dondokova*East-Siberian State University of Technology and Management,
Ulan-Ude, Russian Federation***V. D. Baldanov***East-Siberian State University of Technology and Management,
Ulan-Ude, Russian Federation*

VALUE ASPECT OF POST-INDUSTRIAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: INFLUENCE ON HIGHER EDUCATION SERVICE MARKET

ABSTRACT. The current research studies of postindustrial transition in development of national economies differ from the original post-industrial theories by absence of integrity in their approaches. The article carries out a substantial analysis of modern authors' works that reflect the necessity of considering rather value transformations than particular changes of economic character. It also systemizes criticism postindustrial theories. It estimates the impact of society's postindustrial transformation on the higher education sphere, as well as the consequences of massification of the Russian system of higher education. It substantiates the necessity of continuous education in current circumstances, of developing the polymath rather than «the human capital». It brings forth the arguments in favor of considering, as a target, the functioning of the higher education service market in terms of the postindustrial transformation. This is, at large, the main contradiction of the current changes.

© Е. Б. Дондокова, В. Д. Балданов

KEYWORDS. Post-industrial society; post-industrial transformation of economy; market of higher education; educational services; postindustrial values.

ARTICLE INFO. Received May 5, 2015; accepted October 30, 2015; available online November 30, 2015.

Появление термина «постиндустриализм» связывают с именем американского социолога Д. Рисмена, который применил его впервые в 1958 г. в заглавии одной из своих статей. К началу 70-х г. прошлого века концепция постиндустриализма стала общепринятой. Существенными чертами постиндустриального общества как аналитической конструкции по Д. Беллу являются: модификация теоретических знаний и возрастание роли науки в преобразовании мира; знания становятся источником стоимости; изменение профессионального состава рабочей силы; превращение сферы услуг в прямой источник производительности; новая социальная структура, зависимость статуса человека от его образовательного уровня [13, с. 242]. С самого начала постиндустриализм стал междисциплинарной областью теоретических исследований.

Как отмечают экономисты Т. Е. Степанова и Н. В. Манохина, «внутренним стержнем цивилизации выступает ее экономическая система как способ взаимосвязи производителей и потребителей в данном обществе», выделяя аграрную (традиционную), индустриальную и постиндустриальную цивилизации [11, с. 9]. Индустриальное общество возникает в XVII–XIX в. в ходе промышленной революции [7, с. 142]. В этот период естественная окружающая человека среда преобразовывается в техническую, активно развивается массовая промышленность и ремесла. Признаки индустриального общества достаточно подробно описаны в трудах социологов и экономистов, однако комплексно особенности становления постиндустриального общества раскрываются в полной мере у редких представителей постиндустриализма. Незавершенность большинства современных теоретических исследований постиндустриального общества, по нашему мнению, состоит в утрате изначальной междисциплинарности. Похожий вывод обнаруживается у Н. В. Ведына, утверждающего, что «современная теоретическая экономика, не отрицая значимости и глубины постиндустриальной трансформации экономических систем, оценивает и интерпретирует эти изменения через призму традиционных теоретических конструкций и представлений, сложившихся в эпоху индустриального капитализма» [3].

В одной из своих работ российский ученый В. Л. Иноземцев указывает, что «в Европе история становления индустриального общества насчитывает, по меньшей мере, четыре столетия; в США этот период как минимум вдвое короче. Промышленной революции в Европе предшествовали столетия средневекового строя с его богатой, специфической культурой; в Соединенных штатах индустриальное общество создавалось “с нуля”» [7, с. 143]. В. Л. Иноземцев приходит к определению противоречия между общественным и экономическим развитием США: «несмотря на то, что их экономика в полной мере является постиндустриальной, перемены в социальной сфере значительно отстают от экономических преобразований» [7, с. 144]. В европейской же модели постиндустриализма этот автор находит больше изменений в общественной жизни на ценностном уровне, которые выражаются в переходе на сдерживание темпов экономического роста за счет массового индустриального производства, преобладании постматериалистических, надутилитарных мотивах деятельности.

В 2005 г. американский социолог Р. Инглхарт заключает, что «процесс индустриализации несет с собой рационализацию, секуляризацию и бюрократизацию, но возникновение “общества знаний” оборачивается изменениями иного порядка, идущими в новом направлении, — повышается роль личной независимости, самовыражения и свободы выбора. Утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество

нового типа, в центре которого находится человек» [6, с. 11]. Говоря о последних 50 годах, Р. Инглхарт обозначает беспрецедентную скорость и глубину изменений условий жизни людей, определяющих формирование человеческих ценностей.

Ю. В. Яковец отмечает ценностный аспект трансформации общества от индустриального к постиндустриальному укладу, возлагая определенные надежды на последний: «В индустриальном обществе, особенно во второй половине XX в., рынок достиг вершины своего торжества и переступил границы своего оптимального функционирования, захватывая все новые сферы человеческих отношений. Он подчинил своим принципам значительную часть сферы духовного воспроизводства — науки, образования, этики, средств массовой информации, спорта. Чрезмерная коммерциализация этих сфер нанесла немалый ущерб духовным основам жизни общества». Далее он пишет: «Последняя четверть XX в. принесла новые формы негативных проявлений рынка. Среди них: отрыв виртуального капитала от реального и формирование “экономике мыльных пузырей”; варварское ограбление олигархами и ТНК государств и населения России и других постсоветских стран под флагом возврата к свободному рынку; появление нелегальной торговли рабами и вполне легального мирового рынка, где покупают и продают на время спортсменов...» [13, с. 260].

В. С. Цаплин считает, что «квалификация современного общества как “постиндустриального и информационного” означает лишь б льшую экономическую эффективность благодаря применению более совершенных приемов производства, но не достижение социальных целей и гармоничного развития» [12, с.129].

А. Ю. Ашкерев обобщает подходы «постиндустриалистов» к описанию реальности следующим образом:

- происходит увеличение удельного веса сферы услуг по отношению к сфере «материального» производства;
- теряет свое значение создание средств производства по сравнению с созданием предметов потребления;
- видоизменяется характер человеческой практики, которая все больше оказывается связанной с регулярной обработкой информации (трансформируются и критерии оценки практических результатов);
- возникает представление о человеческих возможностях как о «ресурсе» или «капитале» (тем самым подводится новая концептуальная база под отношения эксплуатации);
- выделяются новые высокотехнологичные и наукоемкие области трудовой деятельности, вызывая изменения как в конкретно-историческом раскладе социальных сил, так и в понимании профессиональной компетенции в целом [2, с. 73].

В. С. Мартыанов отмечает, что «сторонниками постиндустриального прорыва предполагается, что США, Япония и старая Европа уже сформировали контуры “общества знаний”, а Россия якобы тоже может из своей полуразрушенной индустриальности классического модерна перепрыгнуть в светлое будущее постиндустриализма» [8, с. 33]. Далее он добавляет, что «не так давно доминировавшая в общественных науках транзитологическая парадигма в настоящее время полностью выработала свой эвристический и прогностический потенциал», но «привычный мыслительный и методологический алгоритм оказался живучим в социально-политических науках, где провалившиеся теории полувековой давности о неизбежности транзита колоний к индустриальному модерну в виде их же бывших метрополий спешно переделываются под обоснование транзита нынешней России к “постиндустриальному постмодерну”» [8, с. 34]. В. С. Мартыановым также отмечается, что в нынешней структуре российской экономики отсутствуют потенциальные заказчики нового научного знания и высоких технологий помимо государства. Он утверждает, что в «глобализированной экономике мировое лидерство обеспечивают относительно-

но «закрытые», высокомонополизированные секторы экономики. Это космос, телекоммуникации, финансы, авиация, медицинские технологии, программное обеспечение, вооружения, уникальное оборудование» [Там же, с. 45].

Критика применения к современным российским реалиям теории смены индустриального общества постиндустриальным состоит в указаниях на расплывчатость понятийно-категориального аппарата [14, с. 21], сосуществование всех трех историко-экономических укладов в мире [8, с. 35–38]; расхождение между теорией и практикой, между политическими лозунгами и реальностью; также отмечается вынужденный характер созидания «общества знаний» и «экономики услуг», когда не требуется большое количество людей в сельском хозяйстве и промышленности, и население вынуждено «искать себе применение в расширяющемся секторе услуг и инновационных технологий» [8, с. 38–41]; использование в анализе постиндустриальной трансформации теоретического аппарата, соответствующего индустриальному этапу развития общества [3].

Параллельно с концепцией постиндустриализма учеными-теоретиками, в большей степени философами, политологами и социологами, развивались альтернативные теории происходящих социальных трансформаций. Примером является философия постмодернизма, представители которой «полагают, что необходимо акцентировать внимание не только на сугубо хозяйственных явлениях, но и формировании системы постматериальных ценностей, отходе от прежних методов организации труда и максимальном использовании творческого потенциала работников. Они предлагают шире изучать сугубо социологические проблемы: формирование нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышение роли знания и изменение системы образования, национальные, этнические и иные проблемы» [5, с. 32].

Зафиксированный рядом исследователей постиндустриальный переход в обществе и экономике совпал по времени с массовизацией и ростом платности высшего образования в зарубежных странах [4, с. 111]. С одной стороны, высшее образование стало более доступным для населения с финансовой точки зрения, а с другой, государство естественным образом стало неспособным финансировать получение образования всеми желающими в университетах даже в тех странах, где оно традиционно финансировалось из бюджетных средств. Рост платности образования произошел начиная с 80-х гг. XX в., когда в зарубежных странах семьи стали более активно участвовать в инвестировании в высшее образование.

Столкнувшись с формированием рынка образовательных услуг, большинство систем высшего образования развитых стран мира адаптировали и исследовательские функции университетов под требования рынка: «научные и инженерные знания трансформировались в коммерческие продукты, лицензии и патенты, которые можно было продавать и покупать на рынке» [4, с. 111]. Несмотря на то, что степень участия граждан в финансировании высшего образования в большинстве стран мира стабильно растет, государства также направляют большие денежные средства (в некоторых странах наблюдается снижение) на поддержку образовательных систем. Кроме того, растет финансирование высшего образования со стороны предпринимательского сектора. Таким образом, к концу XX в. начал складываться глобальный рынок услуг высшего образования, который оказал не только экономическое, но и ценностное влияние на сферу высшего образования. Как высшие учебные заведения, так и обучающиеся являются в настоящий момент участниками рыночных отношений в сфере образования. Переход к постиндустриальному обществу привел к интернационализации национальных образовательных систем, а также к большей индивидуализации и повышению роли нестандартных образовательных практик. Индивидуализация заключается в гибкости выбора образовательных возможностей, самостоятельном подборе интересующих учебных дисциплин и уход

от стандартных специальностей. Требования совместимости образовательных программ между странами предполагают более активное взаимодействие образовательных учреждений в части наполнения дисциплин конкретным содержанием.

На данный момент, как нам видится, не преодолены структурные диспропорции и качественные недостатки российского рынка труда. Одна из важных причин структурных диспропорций российского рынка труда состоит в сырьевом характере экономики страны и, как следствие, отсутствии рабочих мест для многих учебных специальностей и направлений. Несмотря на то, что высшее образование стало социальной нормой и выполняет роль социального сейфа в условиях отсутствия необходимого количества рабочих мест, современная система массового высшего образования, по мнению А. А. Аузана, воспроизводит российский средний класс [1, с. 275]. Мы считаем, что рассмотрение высшего образования в качестве социального сейфа не приводит к эффективному использованию ресурса молодежи, так как консервация молодежи в неэффективной системе не может способствовать развитию качественных трудовых ресурсов в стране.

По мнению В. А. Мау, современное профессиональное образование является непрерывным, а новой задачей университета стало предоставление населению возможности учиться и переучиваться по мере необходимости на протяжении всей трудовой деятельности. Особенностью постиндустриального общества он считает всеобщий рыночный спрос на высшее образование, когда на первый курс университетов ежегодно поступает более 100 % выпускников, окончивших средние школы в соответствующем году. В качестве фактора, стимулирующего рост объема услуг высшего образования низкого качества, называет негативное влияние всеобщей воинской обязанности, в то время как для инновационного развития требуется более гибкий подход к обеспечению армии новобранцами [9, с. 120–124].

Следует согласиться, что при условии предоставления отсрочки от обязательного прохождения службы в рядах российской армии у молодых людей существенно искажается мотивация как выбора направлений, так и дальнейшего обучения в системе высшего образования. Несмотря на негативные факторы объективного выбора профессий, развитие информационных и консультационных технологий, по нашему убеждению, способно формировать осознанный и более качественный спрос на те или иные направления обучения.

В 1950–1960 гг. Т. Шульцем, Г. Беккером и Д. Минцером была сформулирована теория человеческого капитала. В качестве частной отдачи на человеческий капитал работника рассматривается та часть его дохода, которая является премией за его более высокую квалификацию, полученную в результате качественного общего или профессионального образования. Теория человеческого капитала описывает образование не как продукт конечного потребления, а в качестве средства дальнейшего производства добавленной стоимости, являясь важным фактором национального и глобального макроэкономического роста, а также средства обеспечения прироста доходов частных лиц и организаций. В свою очередь, стоимость образования выступает в качестве функции прироста будущих доходов, полученных в результате ранее понесенных затрат на соответствующие образовательные услуги [10, с. 12]. Как и другие виды капитала, человеческий капитал подвержен инфляции и моральной амортизации: с течением времени его ценность снижается.

Одной из альтернативных теорий является концепция человеческого развития, заложенная А. Сеном и М. уль-Хаком, разработанная в 1980–1990 гг. как альтернатива экономическому мейнстриму того времени. Концепция человеческого развития меняет субъектную позицию относительно теории человеческого капитала. Она рассматривает получаемый доход, образование и здоровье человека как самостоятельные ценности для конечного потребления, не сводя их только к факторам

производства новой стоимости [10, с. 13]. Терминологически теория человеческого развития содержит такой термин, как «человеческий потенциал», который имеет важное преимущество по сравнению с термином «человеческий капитал». Человеческий потенциал смещает акцент непосредственно на носителя свойств человеческого развития, в то время как человеческий капитал в центр внимания ставит инвестора, который может и не быть одним и тем же лицом с носителем полезных профессиональных качеств (обучающимся или работником, приносящим потенциальные выгоды бизнесу инвестора).

Рассмотрим характерные особенности систем профессионального образования для доиндустриального, индустриального и постиндустриального этапов развития (табл.). Анализ показывает, что постиндустриальное общество, по своей сути, опирается уже не на капиталистический способ производства, а на посткапиталистический. Это замечание является, на наш взгляд, ключевым. Можно предположить, что теория человеческого капитала должна со временем уступить место теории развития человеческого потенциала, как более комплексному направлению, позволяющему индивидам рассчитывать на преодоление эксплуатации массового работника, несмотря на всеобщность высшего образования.

*Типы образовательных систем,
соответствующих основным историческим эпохам*

Этап развития	Историческая эпоха	Характеристика образовательных систем	
		Длительность	Распространенность
Доиндустриальное	Доклассовое (первобытное)	Отсутствие специализированных организаций по передаче знаний	Отсутствие специализированных организаций по передаче знаний
	Раннеклассовое (античность, феодализм)	Однократное получение образования	Элитное образование
Индустриальное	Капитализм	Однократное получение образования	Всеобщее начальное (XIX в.) и среднее (XX в.) образование
Постиндустриальное	Посткапитализм	Непрерывное образование	Всеобщее высшее (XXI в.) образование

Источник: [10, с. 25].

Необходимость постоянного пополнения и обновления человеческого капитала привела к возникновению понятий «непрерывное образование» (continuing education) и «образование в течение всей жизни» (lifelong learning). Главное отличие между традиционным образованием для молодежи и новыми системами образования для взрослых заключается в следующем. В рамках традиционной образовательной системы молодые люди не столько сами выбирают себе профессиональное образование, сколько следуют советам родителей и друзей. Когда выбор в пользу продолжения образования делает взрослый человек, уже имеющий профессию и рабочее место, — это исключительно результат его личного предпочтения [10, с. 22–24]. Если доступ к системе непрерывного образования ограничен принадлежностью к какой-либо привилегированной группе населения, то система будет работать на усиление дифференциации, и функция социального лифта перестает работать, что приводит к общественной нестабильности. Развитым странам необходимо проводить благотворительные мероприятия по повышению доступа к современному образованию населения беднейших стран мира.

Соотношение между понятиями «рынок образовательных услуг» и «система высшего образования» в данной статье следующее: рынок образовательных услуг — это способ функционирования системы образования, предполагающий принципы платности, эффективности, свободы выбора благ; наличие спроса и предложения, независимых

субъектов рыночной деятельности, развитой институциональной среды (формы обеспечения независимого контроля качества образовательных услуг, механизмы защиты прав обучающихся и т. д.). К рыночным принципам относится большая ответственность потребителей за конечное применение полученных навыков, умений и знаний (компетенций). Таким образом, система высшего образования — это организационная основа, а рынок является способом взаимодействия между элементами системы высшего образования в целях производства, распределения и потребления образовательных благ. Некоторыми авторами рассматривается характер рыночной конкуренции в сфере образования, однако делаются оговорки о том, что образовательные блага — это блага особого рода; образовательные учреждения и организации, в свою очередь — особые фирмы; обучающиеся — потребители со специфическими особенностями.

В российском высшем образовании преобладает нерыночный характер функционирования системы высшего образования, который основывается на государственном планировании, производстве, распределении образовательных благ.

Во-первых, именно государственные учреждения составляют основу системы российского высшего образования — по нашим оценкам, в количественном выражении до 90 % всех образовательных услуг (в том числе платных) предоставляются государственными или муниципальными учреждениями высшего образования. При этом сама формулировка «оказание образовательных услуг» не имеет четкого определения в существующих нормативно-правовых документах. Существует общее для всех уровней образования и организаций, оказывающих услуги, постановление о правилах оказания образовательных услуг¹. Понятие «обучающийся» относится к любым видам получения образования, что создает неточность в трактовке прав самих обучающихся в российской системе высшего образования и их семей. При отсутствии государства в управлении системой высшего образования обусловлено, с одной стороны, необходимостью обеспечения единства образовательного пространства в пределах одной страны, однако, с другой стороны, это создает предпосылки для негибкости в образовательных технологиях и приводит к отставанию системы высшего образования от потребностей рынка труда.

В-вторых, нерыночный характер распределения образовательных услуг заключается в предоставлении возможности выпускникам системы среднего образования получать высшее образование за счет бюджетного финансирования на основании единого государственного экзамена (ЕГЭ). Ранее абитуриенты сдавали вступительные экзамены, схожие с выпускными школьными экзаменами, однако содержание и критерии оценки вступительных экзаменов ранее определялись самостоятельно высшими учебными заведениями. С 2009 г. выпускники российских общеобразовательных школ сдают единый государственный экзамен, который является критерием приема в вузы страны на конкурсной основе. Конкурс на основании результатов ЕГЭ обеспечивает отбор наиболее способных выпускников школ для государственного и муниципального финансирования их обучения в вузах.

Если говорить о рынках услуг высшего образования в странах мира, то есть некоторое разнообразие в подходах использования национальных систем в достижении экономических результатов. В условиях глобальной конкуренции за иностранных студентов Министерство образования и науки Российской Федерации поставило задачу повышения конкурентоспособности отечественных вузов, которая заключается в повышении мест российских вузов в международных рейтингах. В последние годы наблюдается тенденция к унификации образовательных программ в глобально конкурентоспособных университетах, в Европе и России запущена интеграция в сфере

¹ Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг : постановление Правительства РФ от 15 авг. 2013 г. № 706.

высшего образования, которая предполагает сопоставимость между подходами в измерении достижения уровней и качества высшего образования и возможность международных обменов студентами между странами мира. Глобальные процессы унификации образовательных стандартов, тем не менее, создают сложности межкультурной и языковой коммуникации, увеличивают роль международных наднациональных организаций, призывают к взаимовыгодному диалогу культур и народов.

Вместе с глобализацией всех аспектов человеческой деятельности непременно встает вопрос политического влияния на происходящие процессы; возникает масса вопросов, связанных с дифференциацией экономического и социального развития стран, с собственностью на природные ресурсы, этнические и религиозные разногласия. В условиях развития информационных технологий процесс унификации жизнедеятельности человечества становится необратимым. Важной задачей должно стать преодоление рассмотрения человека как производственного ресурса, так как человек изначально представляет собой нечто большее, чем набор знаний, умений и навыков. Основной ценностью, результатом деятельности массового высшего образования должен стать сам человек как свободная и разносторонне развитая личность, но не «человеческий капитал» (как может часто встретиться в научной литературе), что является противоречием происходящей постиндустриальной трансформации общества.

Список использованной литературы

1. Аузан А. А. Миссия университета: взгляд экономиста / А. А. Аузан // Вопросы образования. — 2013. — № 3. — С. 266–286.
2. Ашкерев А. Ю. Экспертотократия. Управляя знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. — М. : Европа, 2009. — 132 с.
3. Ведин Н. В. Постиндустриальная трансформация экономических систем : проблема теоретической реконструкции / Н. В. Ведин // Вестник ТИСБИ. — 2013. — № 4 (56). — С. 31–44.
4. Галушкина М. Массовое, гибкое и интернациональное / М. Галушкина, В. Княгинин // Эксперт. — 2005. — № 43 (14–20 нояб.). — С. 108–119.
5. Дондокова Е. Б. Информационная экономика: теория и практика : монография / Е. Б. Дондокова, О. В. Будяева. — Улан-Удэ : Изд-во Вост.-Сиб. гос. ун-та технологий и управления, 2007. — 240 с.
6. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — М. : Новое изд-во, 2011. — 464 с.
7. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 140–152.
8. Мартыанов В. С. Постиндустриальное общество для России : миф, теория, реальная перспектива? / В. С. Мартыанов // Логос. — 2008. — № 1 (64). — С. 32–47.
9. Мау В. А. Человеческий капитал: вызовы для России / В. А. Мау // Вопросы экономики. — 2012. — № 7. — С. 114–115.
10. Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Г. А. Ключарев, Д. В. Диденко, Ю. В. Латов, Н. В. Латова ; под общ. ред. Ю. В. Латова. — М. : ЦСПиМ, 2014. — 433 с.
11. Степанова Т. Е. Экономика, основанная на знаниях (теория и практика) : учеб. пособие / Т. Е. Степанова, Н. В. Манохина. — М. : Гардарики, 2008. — 238 с.
12. Цаплин В. С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? / В. С. Цаплин // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 124–130.
13. Яковец Ю. В. Глобальные экономические трансформации XXI века / Ю. В. Яковец. — М. : Экономика, 2011. — 382 с.
14. Якунин В. И. Постиндустриализм : опыт критического анализа / В. И. Якунин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — Т. 20, № 2. — С. 18–30.

References

1. Auzan A. A. University Mission: An Economist's Prospect. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2013, no. 3, pp. 266–286. (In Russian).

2. Ashkerov A. Yu. *Ekspertokratiya. Upravlyaya znaniyami: proizvodstvo i obrashchenie informatsii v epokhu ul'trakapitalizma* [Expertocracy. Managing knowledge: production and information transformation under ultracapitalism]. Moscow, Evropa Publ., 2009. 132 p.
3. Vedin N. V. The post-industrial transformation of economic systems: the problem of theoretical reconstruction. *Vestnik TISBI = TISBI bulletin*, 2013, no. 4 (56), pp. 31–44. (In Russian).
4. Galushkina M. The mass, flexible and international. *Ekspert = Expert*, 2005, no. 43. November 14–20, pp. 108–119. (In Russian).
5. Dondokova E. B., Budaeva. O. V. *Informatsionnaya ekonomika: teoriya i praktika: monografiya* [Informational Economy: Theory and Practice]. Ulan-Ude, East Siberia State University of Technology and Management Publ., 2007. 240 p.
6. Ingkharth R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural changes and democracy: sequence of human development]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p.
7. Inozemtsev V. L. Postindustrial economy and «postindustrial society». *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2001, no. 3, pp. 140–152. (In Russian).
8. Martyanov V. S. Postindustrial economy and «postindustrial society». *Logos*, 2008, no. 1 (64), pp. 32–47. (In Russian).
9. Mau V. A. Human Capital: Challenges for Russia. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2012, no. 7, pp. 114–115. (In Russian).
10. Klyucharev G. A., Didenko D. V., Latov Yu. V., Latova N. V. *Neprevyaznoe obrazovanie — stimul chelovecheskogo razvitiya i faktor sotsial'no-ekonomicheskikh neravenstv* [Continuous education as a stimulus of human development and a factor of socio-economic inequalities]. Moscow, CSPiM Publ., 2014. 433 p.
11. Stepanova T. E., Manokhina N. V. *Ekonomika, osnovannaya na znaniyakh (teoriya i praktika)* [Knowledge-based economy (theory and practice)]. Moscow, Gardariki Publ., 2008. 238 p.
12. Tsaplin V. S. Post-industrialism: are pretensions justified? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 4, pp. 124–130. (In Russian).
13. Yakovets Yu. V. *Global'nye ekonomicheskie transformatsii XXI veka* [Global economic transformations of XXI century]. Moscow, Ekonomika Publ, 2011. 382 p.
14. Yakunin V. I. Post-industrialism: the experience of critical analysis. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2012, vol. 20, no. 2, pp. 18–30. (In Russian).

Информация об авторах

Дондокова Елена Буянтуевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и регионоведения, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в, e-mail: dondokovae60@mail.ru.

Балданов Виктор Дашиевич — соискатель, кафедра общей экономической теории и регионоведения, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в, e-mail: victor_baldanov@mail.ru.

Authors

Elena B. Dondokova — Doctor habil. (Economics), Professor, Chair of General Economic Theory and Regional Studies, East-Siberian State University of Technology and Management, 40v, Klyachevskaya St., 670013, Ulan-Ude, Russian Federation; e-mail: dondokovae60@mail.ru.

Victor D. Baldanov — PhD Student, Chair of General Economic Theory and Regional Studies, East-Siberian State University of Technology and Management, 40v, Klyachevskaya St., 670013, Ulan-Ude, Russian Federation; e-mail: victor_baldanov@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Дондокова Е. Б. Ценностный аспект постиндустриальной трансформации общества: влияние на рынок услуг высшего образования / Е. Б. Дондокова, В. Д. Балданов // *Baikal Research Journal*. — 2015. — Т. 6, № 6. — DOI : [10.17150/2411-6262.2015.6\(6\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2015.6(6).14).

Reference to article

Dondokova E. B., Baldanov V. D. Value aspect of post-industrial transformation of society: influence on higher education service market. *Baikal Research Journal*, 2015, vol. 6, no. 6. DOI: [10.17150/2411-6262.2015.6\(6\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2015.6(6).14). (In Russian).